

УДК 94 (47) «1914/1917»

А. Н. Кадол

Криворожский национальный университет (г. Кривой Рог)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФАКТОР В ANТИНЕМЕЦКОЙ КАМПАНИИ ЦАРИЗМА ВРЕМЁН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, 1914–1917 гг.

На підставі документальних та наративних джерел розглянуто маловивчений аспект антинімецької кампанії – вплив міжнародного фактора і націоналістичної політики ряду європейських країн на ставлення до етнічних німців.

Ключові слова: Перша світова війна, антинімецькі кампанії, російські німці, Росія.

На основании документальных и нарративных источников рассмотрен малоизученный аспект антинемецкой кампании – влияние международного фактора и националистической политики ряда европейских стран на отношение к этническим немцам.

Ключевые слова: Первая мировая война, антинемецкие кампании, российские немцы, Россия.

In the article on the base of documentary and narrative sources poorly studied aspect of the anti-German campaign is considered – the impact of international factors and nationalist policies of several European countries in relation to ethnic Germans.

Key words: the First World War, anti-German campaign, the Russian Germans, Russia.

Im Beitrag werden anhand von Dokumenten und Narrativquellen der Einfluss des internationalen Faktors und die nationalistische Politik einer Reihe von europäischen Ländern in Bezug auf die ethnischen Deutschen in Russland analysiert – eine Frage, die in der Forschung bislang kaum Beachtung fand.

Schlagwörter: Erster Weltkrieg, antideutsche Politik, Russlanddeutsche, Russland.

Военно-политическая ситуация 1914–1915 г. подтолкнула царскую власть и общественное мнение к поиску причин поражений русской армии. В то же время назревший в обществе духовный кризис, характеризующийся отпечатком глубокой растерянности, отсут-

ствием идеалов и ценностных ориентаций, привел к активизации русского национализма и формированию образа врага в лице немецкого населения Российской империи. Отдельным направлением внутренней политики царизма становится концепция «политики населения» (от нем. – *Bevölkerungspolitik*), т. е. политически мотивированные репрессии по отношению к «вражеским» народностям Империи среди якобы нелояльных групп инородцев из числа собственного населения, в том числе и российских немцев.

Вместе с этим на формирование антинемецкой направленности такой «политики населения» значительно повлияла международная ситуация. Летом 1915 г. конфискация имущества русских немцев проводится в противовес действиям вражеских армий в русских областях [18, с. 179]. Уже в 1916 г. в связи с внешнеполитическими задачами царизма, одной из которой был способ изыскания компенсаций для понесённых в войне убытков, борьба с «немецким засильем» обрела новое юридическое обоснование и идеологическое значение. Имущество российских немцев объявлялось гарантом удовлетворения претензий России к центральным державам, источником компенсации убытков, понесённых русскими подданными [10; 11].

Царское руководство, подталкиваемое политикой союзников по отношению к немецким национальным диаспорам в странах держав Согласия, в развернувшейся антинемецкой кампании учитывало международный опыт государственного национализма карательных и ограничительных мероприятий, направленных против иностранцев. Так, в частности, на волне герmanoфобской истерии и в координации со своими английскими и французскими союзниками царское руководство издало указ об отчуждении и продаже собственности подданных Германии и Австро-Венгрии [15, с. 393]. В Англии и Франции некоторые категории иностранцев на время войны были заключены в особые лагеря, а немцы в ряде случаев – в концентрационные лагеря. В России на эти меры с одобрением отозвались правомонархические силы. «Государство, над которым стряслась война, – обосновывал необходимость введения концлагерей для русских немцев А. Н. Хвостов, – [...] не может руководствоваться исключительно гуманитарными правилами» [16].

В 1914 г. британское правительство развернуло кампанию экономической борьбы с Германией, приняв общий закон об установлении экономической блокады *Traiding with the Enemy Act 1914* [10, с. 190]. В начале 1916 г. королевским указом всем подданным и учреждениям Великобритании запрещалась торговля в нейтральных стра-

нах с германскими фирмами или такими, что подозреваются в принадлежности с германскому капиталу [10, с. 288]. К указу прилагался точный список «нелояльных» компаний. Эту же инициативу британцев вскоре подхватили и русские союзники, запретив в октябре 1916 г. русским подданным и всем лицам, пребывающим на территории России, вести деловые отношения с фирмами, находившимися в «чёрном списке». Предусматривалась и процедура наказания за нарушение правительственного распоряжения – заключение в тюрьму сроком до 1 года 4 месяцев и штраф в размере от 1 до 25 тыс. руб. [10, с. 290].

Вслед за немецкими погромами, прокатившимися в начале мая 1915 г. в Лондоне и Ливерпуле в ответ на потопление немецкой подводной лодкой парохода «Лузитания», подобные трагические события произошли 27–29 мая в Москве. После этого в мае – июне 1915 г., по распоряжению МВД, были закрыты многие немецкие благотворительные общества, началась массовая высылка подданных Германии и Австрии из городов.

Ход правительственных дебатов показывает, что высшие сановники настолько твёрдо придерживались союзнического долга, что даже решение по таким, казалось бы, внутренним вопросам, как конфискация германских промышленных объектов в России, принимали только после консультации с представителями Франции и Англии [18, с. 36]. Поэтому не случайно, что важнейшим центром формирования «политики населения» выступала юрисконсультская часть МИД России, поскольку её работники ориентировались на «все законодательные положения о неприятельских странах из Германии и Австро-Венгрии, а также из союзных стран, и здесь же составлялся перевод этих актов, служивших материалом и образцом для соответствующего русского законодательства» [7, с. 73]. По мнению Г. Н. Михайловского, ведавшего в МИД вопросами работы с «неприятельскими подданными», «мы шли в хвосте Германии и союзников, хотя и союзники, в особенности в начале войны, шли в хвосте Германии, едва успевая перепечатывать все их новые законы «военного времени». Даже знаменитый вопрос о лишении неприятельских подданных права судебной защиты, решенный у нас в Сенате в 1916 г., был, в сущности, сколком аналогичного германского закона» [7, с. 73]. В юрисконсультской части МИД была сосредоточена информация о германском частном имуществе и деятельности германских торгово-промышленных предприятий [7, с. 205].

Высылка германскоподданных граждан по сомнительным обвинениям в измене и нелояльности практиковалась не только в России, но и в союзных её странах. Так, в Англии были выселены с мест проживания все без исключения потомки немецких колонистов, населявших, в основном, морское побережье. В Греции англо-французская миссия «ввиду удостоверения факта сигнализации греческого штаба германско-болгарскому штабу о военных действиях союзников» обвинила правительство страны в гермаофильских симпатиях [1, с. 244]. Это дало основание англо-франко-русской коалиции потребовать высылки из Афин всех германских подданных и выдать все находящиеся в греческих водах суда вражеских держав. Практика политических гонений по этническому признаку имела место и в Германии, когда члены французской колонии в Баварии были высланы из страны, при этом их подвергли оскорблениям и побоям [9, с. 25].

Единство антинемецкой кампании, проходившей в странах Антанты, представляется более сплоченной и организованной политикой союзников, чем это на самом деле отражают доступные для анализа материалы. В России, например, действовала общественная организация «Антигерманская лига Франции», которая поддерживала аналогичное русское движение – «Общество 1914 года: Общество борьбы с немецким засильем».

Учитывать международный опыт при формировании гермаофобии в России тем более справедливо, поскольку подобная же практика антирусской кампании имела место и в самой Германии. Обе воюющие стороны основывали ограничение прав неприятельских подданных на международном правовом институте репрессий – праве возмездия. Так, постановления германского союзного сейма 20 ноября и 20 декабря 1914 г. запрещали финансовые операции с Россией и русскими подданными [5, с. 5, 21]. События Первой мировой войны непосредственно подтолкнули германское руководство к изданию постановления 4 февраля 1915 г. по отношению к оккупированным русским областям (Zivilverwaltung), чем был наложен тотальный запрет на производство платежей и финансовых операций в пределах всей местности. Эта мера имела территориальный характер, следовательно, касалась всех лиц без различий их подданства и национальности [5, с. 5].

Германские власти также проводили свою аграрную политику как на захваченных землях, так равно и по отношению к иностранцам в стране. Так, постановление союзного сейма 26 марта 1915 г. «Об удо-

влетворении претензий, исходящих от правительственных принудительных администраций, назначенных для управления поземельными участками и землевладениями иностранных подданных и подданных воюющих с Германией держав» [5, с. 11] преследовало цель способствовать деятельности германской администрации в земельном вопросе.

Германская практика «политики населения» также как и в России показала, что вопросы этнонациональных отношений тесно сплелись с проблемами социально-экономической политики, проводимой государством во время войны. В связи с этим большое недовольство в русских кругах вызвал указ кайзера Вильгельма II о безвозмездной частичной конфискации земель отсутствующих помещиков русского происхождения в русской Польше в 1915 г. [7, с. 109–110]. Царское же руководство, в свою очередь, прямо заявило, что прибегнет в таком случае к репрессалиям – безвозмездной конфискации германской частной земельной собственности в России. Говоря словами министра иностранных дел С. Д. Сазонова, «если Вильгельм не возьмет своего указа обратно, мы конфискуем всю германскую собственность немецких помещиков в России» [7, с. 109]. В итоге русский ультиматум подействовал, и германское правительство официально взяло императорский указ назад.

Силовые ведомства России также учитывали опыт репрессивных мероприятий, проведенных Германией. Уже в речи императора Вильгельма II об объявлении войны содержалась идея превратить мирных русских граждан, оставшихся в Германии, в военнопленных. Соответствующую часть выступления кайзера не осмелилась опубликовать даже немецкая пресса [12]. «Германия, – отмечается в докладной записке министру внутренних дел Н. Б. Щербатову, – в первые же дни войны встала на военное положение, т. е. постаралась всех подданных воюющих держав арестовать и подвергнуть строгой регистрации. Эта мера привела к тому, что Германия свои военные операции имеет возможность совершать в тайне» [17, с. 223–224]. Согласно статистике полковника В. Николаи (руководитель германской секретной службы), за годы Первой мировой войны германские трибуналы казнили 22 русских. Кроме них, против Германии в пользу России вели подрывную деятельность 51 человек других национальностей. Всего же на территории страны работали 20 тыс. агентов Антанты [8, с. 203]. На германский пример взятия заложников по этническому признаку без различия гражданства обратил внимание министр иностранных дел Сазонов [18, с. 163]. О системе надзора и

кампании шовинизма в Германии писал германский пацифист профессор Б. Ишханян: «Та форма, в которую вылилась теперь травля против иностранцев, является сознательной системой» [3, с. 26]. Кампания шпиономании в Германии имела не меньший размах, чем в России.

Следующим фактором, способствовавшим становлению антинемецкой идеологии в России и возведению её в ранг официально исповедуемой доктрины, было влияние английской пропаганды как в самой России, так и в Англии. Британская дипломатия имела богатейший опыт внешнего воздействия на другие страны и народы путём пропаганды, которая давно уже представляла собой целую политическую науку по разжиганию межэтнической розни.

Параноидальное сознание эпохи войны зеркально отражалось в донесениях британских информаторов, писавших о России. Последние же распространяли крайне преувеличенные сведения о «германском засилье в России» [4]. Британская миссия в Петрограде, вынужденная отвечать на антианглийскую кампанию в русской либеральной печати, свела объективное недовольство Англией действиями в России германской пятой колонны. Уже в конце 1914 г. посол лорд Бьюкенен, выступая в Английском клубе в Петрограде, обличал «германофильствующую» часть русского общества. «Некоторые известные германофилы обвиняют нас в том, – говорил Бьюкенен, – что мы толкнули Россию в войну ради наших личных выгод, а теперь предоставляем ей одной нести все тяготы» [14, с. 170].

При этом антинемецкая пропаганда Англии предназначалась для образованного слоя русского общества и имела характер военно-политической публицистики на злобу дня. «Свободе действия, а в некоторых случаях и свободе выбора России мешали финансовые, экономические и политические путы, постепенно и почти незаметно сплетённые Германией. – Такой лозунг провозгласила английская журналистика. – Германские интриги и подпольные козни... одержали крупные победы: русские банки были порабощены германскими финансовыми учреждениями; старинные германские колонии в России были объединены и прекрасно организованы; красноречивые защитники и влиятельные сановники пропагандировали германские идеи и интересы в России, клонившиеся ко вреду русской государственной политики» [6, с. 250].

Английская публицистика использовала многие шаблоны, традиционные для антинемецких обвинений в России. Здесь присутствует и «тевтонское порабощение Прибалтики», и влияние немцев на

государственную жизнь, когда «весьма редко даже конфиденциальные доклады царю составлялись без ведома берлинских властей и без вмешательства их агентов в Петрограде» [6, с. 251].

Отдельным объектом для выпадов служили немецкие поселения: «экономическое завоевание России значительно облегчалось германскими колониями; ...казалось бы, что колонисты имели возможность ассимилироваться, но многие даже не говорят по-русски. Они до сих пор считают себя германцами, а своим государем Вильгельма. Задолго до войны Берлин осознал значение этих колоний в деле мирного проникновения и политической пропаганды» [6, с. 251]. А связь с Германией была тяжёлым обвинением (прибытие в колонии учителей из Германии; покупка земли в стратегических с военной точки зрения местностях; влияние немцев в Думе и захват многих земств).

Значительное внимание в антинемецкой кампании Англии уделялось роли германского капитала в России, что сводилось к выявлению его негативной деятельности [6, с. 252–257]. В целом же английская кампания в этом вопросе повторила русские претензии:

– торговое засилье Германии, дарованное ей русско-немецким договором 1904 г.

– германские предприятия превратились в «эмиссаров тевтонского господства».

В британской печати с началом войны развернулась невиданная до тех пор прорусская пропаганда, специализировавшаяся на исторических экскурсах. То неблагоприятное отношение, которое испытывало английское общество к царскому режиму, сглаживалось такой пропагандой. Одним из таких доводов выступала идея «германского засилья». Все тёмные стороны российской действительности объяснялись английскими публицистами как следствие негативных внешних воздействий на протяжении всей истории. Германское же влияние, как объясняли «друзья России», оказалось наиболее вредным. Это выразилось в привнесении в Московское княжество прусской чиновничье-бюрократической системы. Именно эта система принесла с собой «тевтонский дух», который породил многие безобразия в России. Такими пассажами доводили заинтересованность России в войне с Германией, что было равносильно сохранению национальной идентичности русских. С избавлением от «тевтонского духа» англичане связывали решение чуть ли не всех внутренних проблем их восточноевропейского союзника [2, с. 125–126].

Вместе с этим подобная пропаганда англичан объяснима с точки зрения их опасений угрозы сепаратного мира между Германией

и Россией, когда британцам было жизненно необходимо вбить клин между этими странами. Так, например, английское командование серьёзно предполагало, что русские допустят германских чиновников к организации железных дорог в стране [13, с. 92].

В целом же в антинемецкой кампании британской публицистики образ немца-врага в России сочетался с образом воинственного Германского рейха. Разжигание ксенофобии не могло пройти бесследно для российского общественного мнения, находившегося под сильным влиянием союзных дипломатий. В условиях функционирования жесткой военной цензуры, поставившей табу на обсуждении многих социально значимых вопросов, британская пропаганда в России добилась серьёзных успехов. Многие из её идей были развиты русской печатью, для которой антинемецкая тема стала постоянной рубрикой.

Примечательно, что и в «большой» прессе Германии и Австро-Венгрии приводились порой совершенно невероятные сведения об «английском засилье» в России. Утверждалось, что в России установилась «английская диктатура», рядом с каждым русским чиновником-де стоит британский офицер-надзиратель, 20 тысяч англичан занимают все важнейшие посты, а русское правительство не может уже распоряжаться русской промышленностью [4]. Россию уподобляли «глупому, но сильному парню, нужному Англии для ведения ее войны». Порой попросту утверждалось: «Вся Россия в руках англичан...» [4]. Некоторые руководители германской внешней политики, военные искренне верили в то, что могущественные «британские агенты» во многом управляют Россией. Германские информаторы посылали соответствующие сведения в Берлин, а немецкие государственные деятели склонны были им доверять.

Процесс превращения нелепых слухов о враге в факты действительности стал отдельным направлением деятельности внешнеполитического аппарата всех стран-участниц военного конфликта. В связи с этим идеи ксенофобии, распространившиеся по Европе, не знали государственных границ.

Таким образом, германофобия в России во время войны была во многом объяснима влиянием международной ситуации, а не только внутренней политикой царских властей, как традиционно было принято считать. В этом случае идеологическое обеспечение вооружённого конфликта ведущих стран-участниц Первой мировой войны нашло своё отражение в развитии взаимных и обоюдных пропагандистских кампаний, которые включали в себя репрессии против вражеских граждан, борьбу с культурой враждующей нации, искус-

ственное обострение межэтнических отношений. Это явление, созданное властью и общественным мнением, приняло неконтролируемый характер и прочно закрепилось в массовом сознании враждующих народов. В России же антигерманская пропаганда пошла по более радикальному пути, чем аналогичные кампании в странах Запада. Германофобия подготовила почву для дальнейшего обострения «немецкого» вопроса в России.

Библиографические ссылки

1. Доклад Б. Штюрмера Николаю II 21 августа 1916 г.: по министерству иностранных дел // Дневники и документы из личного архива Николая II. – Мн.: Харвест, 2003. – 368 с.

2. *Зашихин А.* Лев + Медведь: За кого сражались англичане, когда сражались за русского царя? // Родина. – 1993. № 8/9. – С. 125–126.

3. *Исиханян Б.* Немецкий профессор о германском шовинизме (факты и разоблачения). – Пгр.: «Электротпечатная» П. Г. Келлеева, 1915. – 27 с.

4. *Колоницкий Б. П.* Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: матер. Междунар. научн. коллоквиума. – СПб., 1999. – С. 271–287.

5. *Королькевич Б. П.* Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав Согласия за время нынешней войны. – Пгр., изд-во Петроград. Совета Рабочих и Красноармейских депутатов, 1919.

6. *Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке. 1916 г. – Мн.: Харвест, 2003. – 672 с.

7. *Михайловский Г. Н.* Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: в 2-х кн. – Книга 1. Август 1914 г. – октябрь 1917 г. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 520 с.

8. *Николаи В.* Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время / В. Николаи, М. Ронге, Ч. Э. Россель – К.: Изд-во «Княгиня Ольга», 2005. – 676 с.

9. *Пуанкаре Р.* На службе Франции. 1914–1915 г. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2002. – 784 с.

10. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1483, оп. 1, д. 9.

11. РГИА. – Ф. 1483, оп. 1, д. 5.

12. «Русские ведомости». – 1914. – 6 августа.

13. Секретный доклад В. Р. Робертсона «Военные последствия выхода России из Антанты» // Вопросы истории. – 1998. – № 8. – С. 92.

14. *Уткин А. И.* Первая мировая война. – М.: Алгоритм, 2001. – С. 170.

15. *Хаген М. фон.* Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и Первая мировая война: матер. Междунар. научн. коллоквиума. – СПб., 1999. – С. 393.

16. *Хвостов А. Н.* Борьба с немецким засильем: Речь члена Государственной Думы А. Н. Хвостова в заседании 3-го августа 1915 г. – Пг.: 1915.

17. Центральный Державний історичний архів України (м. Київ). – Ф. 2233, оп. 2, д. 353 «Немецкий шпионаж в царской России»: сб. док. – М., 1942. Изд. управления гос. архивами НКВД СССР. Экземпляр № 754. – С. 223–224.

18. Совет министров Российской Империи в годы первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (Записки заседаний и переписка). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 559 с.

Надійшла до редколегії: 05.02.2012

УДК 94 (430) (092) «18/19»

В. С. Савчук

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ПРОФЕСОР ЙОГАНН СИГІЗМУНД ГОТТФРІД ГУТ В УНІВЕРСИТЕТАХ НІМЕЧЧИНИ ТА РОСІЙСЬКОЇ ІМПЕРІЇ

Реконструйовано життєвий і творчий шлях німецького математика, фізика та астронома Й. С. Г. Гута, простежено його наукову, навчальну та науково-організаційну діяльність в університетах Німеччини та Російської імперії наприкінці XVIII – на початку XIX століття, проаналізовано його наукові здобутки, визначено коло його наукових інтересів, розглянуто суперечливі питання щодо його наукової діяльності, його роль у розвитку астрономічних досліджень в університетах Російської імперії. Залучено до проведення дослідження (крім вже відомих і таких, що широко використовуються) нові документальні та історіографічні джерела.

Ключові слова: Й. С. Г. Гут, вчений, професор математики і фізики, астрономія.

Реконструирован жизненный и творческий путь немецкого математика, физика и астронома И. С. Г. Гута, прослежена его учебная, научная и научно-организационная деятельность в университетах Германии и Российской империи в конце XVIII – в начале XIX века, проанализированы его научные достижения. Определен круг его научных интересов, рассмотрены спорные вопросы, касающиеся его научной деятельности, его роль в разви-